

Кто сказал, что побег вышел из моды? LOL.

Глава 9. Медленно наслаждаясь процессом знакомства (3)

Его рука немного напряглась, и они оказались еще ближе друг к другу.

Это было слишком быстро! Цзя Хи на мгновение закрыла глаза, потом снова открыла их: "Гм, ну...".

Они были слишком близко. Его дыхание ласкало ее щеку. Так горячо. От ее лица к ладоням, к телу... Цзя Хи чувствовала, что даже его рука на ее талии обжигает.

Что она должна сказать? Что она должна сказать? Кто скажет ей, что она должна сказать?

- Ты хочешь продолжать спать? - он приблизил свое лицо очень близко, практически касаясь кончика ее носа, когда говорил.

Это было очень деликатное предложение... Но хорошо, что "сон" наконец-то стал главной темой. Стараясь, чтобы ее голос звучал как можно спокойнее, Цзя Хи изо всех сил старалась сменить тему:

- Ты все еще сонный?

- Я уже проснулся, - его слова были лаконичны.

- Тогда... больше не спим? - она робко спросила его одобрения.

Он, казалось, не возражал против этого:

- Чем бы ты хотела заняться сегодня вечером?

Вопрос, был возвращен обратно к ней.

Весь ее мозг кишел словами, которые вовсе не были чистыми или невинными. Почему, независимо от того, в каком направлении развивалась их тема, она все еще оставалась такой наводящей на размышления и открытой для определенной интерпретации? Если это не был "сон", то это было...

К счастью, ее мобильный телефон вдруг начал весело щебетать. Специальный рингтон, который она использовала для своей мамы, спас ей жизнь. Она пошевелила рукой, надеясь воспользоваться этой возможностью, чтобы встать. Тем не менее, Йи Венце уже небрежно взял ее телефон с кофейного столика и вручил ей, таким образом успешно разрушив ее план бежать оттуда. Цзя Хи смогла только неловко улыбнуться, а затем, сказав ему: "Моя мама", – она тут же ответила на звонок и поздоровалась.

– Где ты? Во сколько ты вернешься?

Цзя Хи не подумав ответила:

– Я не вернусь сегодня вечером, – но после того, как эти слова прозвучали, она поняла, что с ними что-то не так, и сразу же добавила, – я имею в виду, что вернусь немного позже сегодня вечером.

– Почему ты ничего не сказала? Я уже приготовила всю еду, – ее мама жаловалась, – что случилось с чувством времени режиссера? Конечно, в будние дни мы можем это оставить, но даже по выходным он хочет, чтобы ты ходила на встречи.

Цзя Хи издала звук "мм", чувствуя себя виноватой:

– Это моя вина. Я приехала на два дня позже.

– Иди и скажи этому твоему режиссеру, что у тебя сегодня дома что-то происходит, – голос ее мамы внезапно понизился, – здесь Гу Ю.

Сердце Цзя Хи заколотилось:

– Что он там делает?

Ее мама, казалось, была очень взволнована:

– Он сказал, что пришел повидаться со мной и твоим отцом. Просто посмотри, как хорош этот мальчик. Тогда ты бросила его, но он никогда не держал на тебя зла. Судя по всему, он все еще держит тебя в своем сердце. Твоя старая мама нарочно оставила его на ужин. Я выигрываю

для тебя время. Тебе нужно поспешить обратно...

Цзя Хи онемела. Возмездие за ложь теперь настигло ее.

Когда она рассталась с ним, то боялась, что мама будет убита горем из-за нее, поэтому просто сказала, что проблема в ней самой, что она внезапно обнаружила, что ее чувства угасли, или что-то в этом роде. Ее мать озлобилась и ругала ее в течение нескольких месяцев. В то время она действительно чувствовала, что поступила очень мудро; в любом случае, это было лучше, чем если бы ее мама узнала, что ее драгоценную малышку бросили, а потом несколько месяцев страдала от боли в сердце. Но теперь она поняла, что на самом деле человек не должен лгать.

Главная проблема заключалась в том, что на таком близком расстоянии было несомненно, что Йи Венце все ясно слышал.

Он был очень близко к ней, так близко, что она даже не осмелилась сказать что-нибудь еще.

Только когда она услышала, как ее мама на другом конце линии крикнула:

- Цзя Хи.

Она наконец с горечью ответила:

- Мы поговорим... - но ей удалось произнести только эти два слова. Оставшееся "когда я вернусь домой" даже не успело вырваться, как ее губы были покрыты поцелуем, который застал ее совершенно врасплох. Обхватив ее рукой за талию, Йи Венце перевернулся и прижал ее к себе. Иногда легко, иногда сильнее, он прижимался губами к ее губам, касаясь их дюйм за дюймом. Его движения не были торопливыми, но они были очень сосредоточенными и целеустремленными...

В трубке ее мама позвала: "Алло?" - пару раз, а потом пробормотала о том, почему вдруг не было приема.

С этой стороны от Цзя Хи уже не доносилось ни звука. В комнате было слишком темно, она практически ничего не видела. Она могла только чувствовать, что они оба глубоко погрузились в диван. От сердца до тела она была полностью под его контролем, и, естественно, у нее не было возможности даже сказать что-нибудь. Она не знала, когда трубку повесили, и сообразила только тогда, когда погас свет на экране ее мобильного телефона, полностью поглотив последний кусочек света.

Ее дыхание было прерывистым, и она была полностью занята обдумыванием того, как объяснить ему это. Был ли он зол? Только когда тепло его ладони скользнуло по коже на ее талии, ее голова немного прояснилась. Извиваясь, она оттолкнула его от себя и пару раз тяжело вздохнула: "Итак, мм, насчет этой истории с Гу Ю, я прошу дать мне шанс объяснить".

Он опустил голову и пристально посмотрел на нее. Этот угол, этот взгляд в его глазах... О Боже, было бы лучше, если бы она просто потеряла сознание в коме.

Это не съемочная площадка. Это не идол-драма. Идол, почему ты проявляешь такую профессиональную самоотверженность?...

- Тогда я не сказала маме правды, - Цзя Хи снова сделала легкий вдох, но ее мозг все еще ощущал недостаток кислорода, - я боялась, что мама расстроится. Какой-то парень с такой легкостью издевался над дочерью, с которой она так долго нянчилась и обращалась как с сокровищем... поэтому я сказала ей, что я была той, кто не хотел его. С тех пор мама считает, что я поступила с ним дурно.

Это было так унижительно. Ее бросили, но ей все равно пришлось пойти и воткнуть перо в свою шапку.

П/п: термин "перо в шапке" – английская идиоматическая фраза, она используется для обозначения любого похвального успеха или достижения человека, которые могут помочь этому человеку в будущем.

Считается, что индейские солдаты добавляли перо на головной убор храбрых воинов. Венгры также добавляли перышко в шапки каждый раз, когда убивали вражеского турка. Большое количество перьев предполагало храбрость и национализм. Впервые в литературе эта фраза была использована в 1599 году Ричардом Хансардом в его книге «Описание Венгрии». В Соединенном Королевстве эта фраза стала популярной в 18 веке, когда герцогиня Портленд использовала её в своем письме к мисс Коллингвуд.

Йи Венце усмехнулся:

- Но разве это не было правдой?

Слова Цзя Хи застряли у нее в горле вместе с его вопросом. Тщательно все обдумав, она пробормотала себе под нос:

- На самом деле, это я первая сказала, что мы должны расстаться.

Но природа этого была совершенно иной.

- Итак - сказал Йи Венце, его улыбка стала еще шире, - какое это имеет отношение к тому, чем

мы сейчас занимаемся?

Тишина. Она смущенно замолчала.

Ладно, ладно, даже если бы я была хитрой и нашла предлог, чтобы прервать тебя, Идол, все равно нет никакой необходимости так откровенно разоблачать меня, понимаешь?...

Диван снова слегка прогнулся. Рефлекторно Цзя Хи закрыла глаза, но потом обнаружила, что он уже сел. У нее упало сердце, и она тут же, прижимая к себе одеяло, поднялась с дивана:

- Зачем ты встаешь?

Он ведь не должен злиться, правда? Все это дело немного перешло черту. Гу Ю, этот парень, неужели ему больше нечем заняться? Зачем ему понадобилось идти ко мне домой? Теперь он заставил моего кумира понять меня неправильно...

- Разве ты не сказала, что больше не будешь спать? - он взглянул на часы.

Цзя Хи на мгновение помрачнела. Похоже, она действительно так сказала.

Обернувшись, Йи Венце взглянул на нее:

- Или, может быть, ты хочешь продолжить?

.....

- Конечно, нет, - отрицание сорвалось с ее губ. Но как только эти слова были произнесены, она пожалела о них. Боясь, что он решит, что она не хочет этого, потому что слышала упоминание о Гу Ю, она поспешно объяснила, - собственно, дело не в том, что я не хочу...

Глаза Йи Венце были устремлены на нее, и он жестом попросил ее продолжать то, что она говорила.

Цзя Хи хотелось плакать. Что бы она ни сказала, это все равно будет звучать неправильно. Как она должна была продолжать?

В конце концов он первым снял ее с крючка и с улыбкой спросил:

- Ты проголодалась?

Словно получив величайшее из прощений, Цзя Хи быстро кивнула головой:

- Проголодалась. Я сейчас умру с голоду.

Встав, он протянул ей плащ:

- Май Цзе сейчас в Тяньцзине. Мы поедем туда сегодня вечером.

- Так поспешно? - Цзя Хи удивленно посмотрела на него. Он только что прибыл в Пекин, а теперь направляется в Тяньцзинь?

Йи Венце выпрямился, подошел к шкафу и начал выбирать одежду. Вытащив повседневную верхнюю одежду, он ответил:

- Мне вдруг очень захотелось перекусить в Тяньцзине.

- Пекин на самом деле тоже продает тяньцзиньские закуски...

На полпути к тому, что она говорила, Цзя Хи внезапно осенила не очень хорошая мысль. Может быть, ее кумир намеренно увозит ее отсюда? Она украдкой взглянула на Йи Венце. Но когда она увидела, как он снимает пиджак, его движения были естественными и непринужденными, она почти потеряла сознание на мгновение и вскочила с дивана: "Я пойду выпью немного воды", - с этими словами она не стала дожидаться его ответа и, надев туфли, выскочила из комнаты.

Когда она добралась до маленькой кухни, ее сердце все еще сильно билось.

В темноте вспыхнул огонек водонагревателя. Она долго шарил по комнате, пока не нашла выключатель и не включила настенные светильники.

Снаружи, в коридоре, кто-то, казалось, разговаривал. Это был очень громкий голос, комментирующий актеров и актрис, которые пришли сегодня на кинопробы, а также говорящий о предстоящем новом кинопроекте. Когда Цзя Хи схватила стакан и налила немного воды, она поняла, что совершила очень серьезную ошибку: он всего лишь переодевался... почему она убежала? Почему она убежала, ААА?!

Она была полностью в состоянии хаоса. Ей было двадцать шесть, почти двадцать семь лет, но

она все еще вела себя как невинная маленькая девочка, которая только что начала с кем-то встречаться.

Неужели она унизила себя? Или она унизила его? Да, она унизила себя...

Вскоре Йи Венце был переодет и причесан. Когда они спустились вниз, Ву Чжилунь стоял, прислонившись к подоконнику, и разговаривал по телефону. Увидев, что они направляются к выходу, он окликнул Йи Венце:

- Куда это вы собрались, а? Если вы собираетесь есть, возьмите меня с собой.

Йи Венце поднял глаза и посмотрел на него:

- Мы едем в Тяньцзинь.

Ву Чжилунь чуть не выронил мобильный телефон:

- Разве ты не собирался туда отправиться завтра? На дворе уже 2011 год; вы, ребята, все еще играете в побег?

Сделав ему знак "заткнись", Йи Венце открыл дверцу машины и первым сел в нее.

Цзя Хи тоже села в машину. Только она собралась закрыть дверь, как Ву Чжилунь снова крикнул им: "Подождите меня десять минут!"

Пока Цзя Хи колебалась, Йи Венце уже сделал ей знак закрыть дверь, а затем, не раздумывая, завел машину и уехал.

Это был сезон цветущих ив и дрейфующих белых сережек[1]. Цзя Хи только успела открыть окно, как ее голова была покрыта белым пушком, который влетел в салон. С досадой снова закрыв окно, она медленно вытащила мобильный телефон, думая позвонить маме. Однако, понимая, что на самом деле она не знала, каков конкретно их маршрут и планы, она могла только сначала обратить свой взгляд на Йи Венце:

- Когда... приблизительно мы вернемся?

- Когда ты хочешь это сделать?

- У тебя нет никаких планов? - Цзя Хи изумленно уставилась на него.

- Просто небольшое мероприятие. Оно займет около половины дня. Пока нет никаких планов на остальное время.

- Разве у тебя нет работы в Пекине? - спросила Цзя Хи и продолжила размышлять.

Сегодня суббота, завтра воскресенье. В понедельник мне нужно продолжать свои встречи...

- Сегодня я более или менее обо всем позаботился. Я могу взять пару дней отпуска.

Цзя Хи онемела. Это действительно выглядело так, как будто они сбежали, ничего не прихватив с собой, не имея никаких планов.

О, подожди, это тоже было неправильно. Он просто сказал, что может отдохнуть пару дней. Это явно было заранее обдуманно и спланировано.

Прошло довольно много времени, но она все еще не хотела сдаваться и продолжала спрашивать:

- Ну, у тебя, по крайней мере, должна быть какая-то реальная деловая цель для поездки в Тяньцзинь, чтобы увидеть Май Цзе, верно?

По крайней мере, дайте ей какое-то время или план. Ожидание ее мамой этого труднодостижимого случая, чтобы она приехала в Пекин по делам, наконец-то принесло свои плоды, но теперь она играла в игру "исчезни с лица земли", не давая никаких объяснений. Когда она вернется, с нее, несомненно, заживо снимут кожу и выдернут сухожилия. Более того... сердце ее мамы лежало к Гу Ю, так что если Цзя Хи не будет в Пекине, старушка вполне может что-нибудь предпринять.

- Это рекламная акция для моего фильма.

- А? - удивилась Цзя Хи, - тогда зачем я туда еду?

Одна рука Йи Венце лежала на руле, а другая протянулась и помогла ей снять с челки комочек ивового пуха:

- В конце концов, я буду очень занят, так что, если мы сможем быть вместе, я постараюсь как можно чаще брать тебя с собой.

Из-за того, что он носил кепку с козырьком, на верхнюю половину его лица падали слабые тени, подчеркивая задумчивую напряженность его глаз.

Цзя Хи сначала хотела сказать, что она не взяла с собой сменную одежду, но потом увидела его улыбку, увидела, что он ждет ее реакции, увидела, как он с удовлетворением понял, что она не возражает, и повернулся, чтобы продолжить вести машину. Весь процесс протекал гладко, так гладко, что она даже не смогла выдавить из себя ни слова.

Стресс. Стресс был просто слишком сильным. Даже герои не могут устоять перед чарами красоты[2], не говоря уже о том, что она была всего лишь маленьким сценаристом.

Все уже было так; как она собирается пережить все последующие дни? О боже, как же она собирается пройти через них?...

В конце концов, когда их автомобиль выехал за пределы Третьего транспортного кольца, она смирилась с этой судьбой и достала мобильный телефон, решив, что скажет маме, что у нее в последнюю минуту деловая поездка, а потом найдет предлог, чтобы попросить у режиссера Лю отгул на этот раз. Пока она ломала голову над тем, какую причину могла бы использовать для этой просьбы о перерыве, она наконец заметила, что этот маршрут был очень знаком. Как бы она его ни рассматривала, все равно казалось, что они направляются к ее дому. После долгого и внимательного изучения она наконец спросила тихим голосом:

- Разве мы не едем в Тяньцзинь?

В ответ Йи Венце очень спокойно произнес "мм", прежде чем сказать:

- Сначала мы заедем к тебе домой, чтобы взять смену одежды.

Заедем... ко мне... домой?!

Цзя Хи тут же встрепенулась:

- Нет, в этом нет необходимости. У меня с собой кредитка. Если случится худшее, я просто куплю кое-что, когда мы доберемся до Тяньцзиня. Я не настолько разборчива. Я действительно не заморачиваюсь на этом.

Он улыбнулся:

- Это не проблема. Это как раз по пути.

Сжимая в руке мобильный телефон, Цзя Хи начала видеть звезды.

Один находился на юго-востоке, другой – на северо-западе. Это действительно было по пути? Действительно ли это было по пути?...

[1] Тополя и ивы начали высаживать в Пекине начиная с 1960-х и продолжали в течение нескольких десятилетий, чтобы увеличить количество зеленых насаждений в городе. За эти годы были посажены миллионы. Однако весной зрелые ивы расцветают и выпускают то, что кажется белым пухом, из их сережек. По мере того, как все больше ив достигают зрелости, масса сережек и пуха, плавающих в воздухе, стала явлением в Пекине весной, когда белый пух, кажется, вторгается в город.

[2] Эта идиома обычно относится к мужчине, что независимо от того, насколько он велик, насколько замечательны его способности и достижения, он все еще не может избежать ловушки любви или не может противостоять очарованию красивой женщины. Однако здесь "красота" имеет в виду невероятную красоту Йи Венце, и Цзя Хи, даже не герой, а просто маленький сценарист, безусловно, не может устоять перед ним.

<http://tl.rulate.ru/book/22047/738184>